

Анатолий Подшивалов

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
П44

Серия «Попаданец»
Выпуск 101

Иллюстрация на обложке *Сергея Курганова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Подшивалов, Анатолий

П44 Господин изобретатель: роман / Анатолий Подшивалов. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2021. — 352 с. — (Попаданец).

ISBN 978-5-17-134984-4

Конец XIX века, время непростое. Сознание Андрея Степанова не вселяется ни в императора, ни в цесаревича, ни в великого князя, ни даже в захудалого графа. А вселяется оно в обычного молодого человека, который даже не дворянин, а неудавшийся юрист, да еще купеческого рода.

«Вселенец» не спецназовец, не снайпер, не владеет единоборствами, песен про поручиков и кавалергардов «сочинять» не хочет. Дед его — купец первой гильдии, но отказал всем от дома, и к нему еще предстоит найти подход. По специальности Андрей — математик-программист, кроме того, работая в фармацевтической компании, он нахватался по верхам кое-каких знаний в химии. Историю знает крайне отрывочно, точных дат не помнит, только ведущие события и общий ход истории. И что делать с такими навыками в конце XIX века?.. А за себя и державу — обидно.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-134984-4

© Анатолий Подшивалов, 2021
© ООО «Издательство АСТ», 2021

Уважаемые читатели!

Поскольку предлагаемое вашему вниманию произведение относится к жанру «Альтернативной истории», поведение и личностные характеристики реальных исторических персонажей являются вымыслом автора и вариантом их поведения в другой реальности, равно как и случайным является сходство второстепенных героев с реально существовавшими людьми, и автор за это ответственности не несет — это же фантастическая художественная литература.

Также прошу учесть, что описание получения различных химических соединений, в том числе взрывчатых, не соответствует реальному (автором сознательно исключены многие детали и промежуточные каталитические реакции), поэтому не пытайтесь их повторить.

Пролог

Проклятая «ковидла», подумал Андрей Андреевич Степанов, отставной подполковник и кандидат наук, а ныне никому не нужный и больной пенсионер, проснувшись июньским утром 2020 года в городе-герое Москве. Таким утром хорошо бы погулять в парке, подышать относительно чистым воздухом, но вот беда — прогулки в парках запрещены распоряжением мэра города, да и от дома дальше ста метров скоро без бумаги, распечатанной с сайта Госуслуг, не отойдешь. Обидно, ведь в парке он ни с кем разговаривать не собирается, только пройтись по дорожке, а теперь приходится

сидеть дома и ждать, пока гиподинамия и духота не изведут под корень всех, кому за шестьдесят пять. Но вот в магазин за хлебом выйти надо, это, слава богу, еще не запрещено. Больше в магазин идти некому — Андрей Андреевич живет один, жена с ним развелась лет двадцать назад и уехала в Америку, забрав дочь и разменяв квартиру. Теперь он доживает дни в «хрущобе» в районе Кузьминок, хорошо хоть парк рядом. Дочь за последние десять лет навестила один раз, а теперь только пишет поздравления к Новому году и дню рождения, исключительно по электронной почте.

Нацепив на лицо медицинскую маску — эффективность этого мероприятия, по мнению Андрея Андреевича, весьма сомнительна: маска препятствует распространению инфекции от носителя к людям, его окружающим, но мало защищает от вирусов того, кто ее носит, и вообще, толк от них будет тогда, когда поголовно все будут носить эти маски. Но вот как раз начальство предпочитает респираторы, которые прекрасно защищают носящего их, но через выпускной клапан выбрасывают на население все микробы, которые начальствующее лицо имеет честь выдыхать в атмосферу. Так что все «противоэпидемические меры», как всегда, поставлены с ног на голову, но Андрей Андреевич, как гражданин законопослушный и верноподданный, не собирается спорить с лицами, власть предержащими — себе дороже выйдет с его-то здоровьем. А здоровье у героя нашего повествования очень даже так себе: большая неоперабельная опухоль сдавливает перекрестие зрительных нервов

на основании черепа, и поэтому Андрей Андреевич не имеет периферических полей зрения, и ему нужно быть особенно осторожным, переходя дорогу. На улице Юных Ленинцев движение не очень интенсивное, а в период объявленного властями карантина машин стало еще меньше, к тому же Андрей Андреевич задумался о том, что еще можно и нужно купить в магазине на оставшиеся до пенсии небольшие деньги, и, совсем потеряв бдительность, он поздно повернул голову влево при переходе улицы. Визг тормозов, вспышка в голове, и последнее, что он услышал: «Мужчину сбили!», «Вот гад, задавил и уехал...», «“Скорую” скорее вызовите!» Потом наступила темнота...

...Сколько я был без сознания, не помню, очнулся, приоткрыл глаза и подумал: «Наверно, я в больнице, но почему все так кругом расплывчато... Меня прооперировали? Голова очень болит!»

Я попытался вспомнить, что со мной произошло — вышел из дома, подошел к наземному пешеходному переходу, затем удар и провал в темноту. Что со зрением, неужели окончательно накрылось? И кто так громко молится, поминая святых угодников — впечатление, что молитва раздается прямо в голове...

— Сашенька очнулся и открыл глаза! Генрих, иди же сюда! Мария Владиславовна, где вы?

«Что со мной, какие ещё Сашенька, Генрих и Мария Владиславовна? В палате телевизор, что ли, орет?» — подумал я. В ответ в голове раздалось: «О боже, опять...»

Я поднес руку к глазам, но с трудом смог увидеть свои пальцы, тогда кто-то нацепил мне на нос очки, и я увидел худую некрасивую женщину, лет тридцати пяти, с серыми внимательными глазами на вытянутом лице, волосы на голове ее были забраны в какой-то узел или пучок с гребнем, одета она была в глухое серое платье со стоячим воротником и мелкими пуговицами на нем. К ней подошел мужчина, которому можно было дать около сорока лет, с длинными светлыми прямыми волосами, в очках. На нем бы длинный пиджак, кажется, его называют сюртук. Мужчина обратился ко мне с вопросами, как я себя чувствую, могу ли я говорить и что у меня болит, причем говорил он по-немецки, но я все понимал. В ответ, опять-таки прямо в голове, раздалось:

— Дядюшка Генрих, у меня очень болит голова, говорить я могу, но мне тяжело это делать. А где маменька?

— Я здесь, сыночек мой ненаглядный, — в комнату вбежала женщина, которая принялась меня целовать и обнимать.

— Генрих, что же вы стоите столбом! — заговорила на повышенных тонах вошедшая женщина, обращаясь к светловолосому Генриху. — Позовите доктора, он велел сразу послать за ним коляску, когда Сашенька очнется.

— Сей момент, Мария Владиславовна! — ответил Генрих и рысцой понесся вон.

— Братец, прости меня! — в комнате появился здоровенный парень в чем-то таком, что мне на-

помнило слова «кафтан» и «поддевка», в общем, так купцов изображают в пьесах Островского.

— Ах, Иван, молись, чтобы Сашенька выздоровел, не тревожь его, — одернула Мария Владиславовна здоровяка, сунувшегося было ко мне.

Тут я опять услышал тихий голос внутри головы: «Дайте мне отдохнуть, пожалуйста». И свет опять померк. Вот тебе и да! Прямо какая-то пьеса из дореволюционной жизни... Но при чем здесь я? Тут я опять почувствовал, что кто-то молится внутри головы: «Господи, спаси и сохрани, спаси и сохрани раба своего Александра!»

— Кто ты? — задал я вопрос невидимому набожному собеседнику.

— А ты кто, почему ты здесь, во мне? — я опять услышал голос в голове, но не мой. — Я сошел с ума? Почему я слышу этот голос?

Так, мой собеседник явно молод и, похоже, не на шутку напуган. Надо постараться его как-то занять и развеселить. Главное — не напугать еще больше, а то парень и правда, свихнется.

— Молодой человек, отвечать вопросом на вопрос как-то невежливо. Хотя, поскольку я здесь в гостях, представлюсь первый, хоть я и старше. В общем, наплюем на этикет и будем проще. Нет, ты не сошел с ума, и я вроде тоже, хотя не пойму, почему я в тебе и слышу, как ты молишься. Что же, представлюсь: Андрей Андреевич Степанов, подполковник военно-воздушных сил в отставке, 1957 года рождения. Возможно, мы даже родственники, поэтому после катастрофы я попал в твое тело.

— Ваше высокоблагородие...

— Отставить, давай без чинов. Можешь звать меня «шеф», так ко мне обращались твои сверстники, когда я служил в Испытательном институте Авиакосмических сил и занимался авиационной и космической медициной. С тобой все в порядке, бес в тебя не вселился, хочешь, к иконе приложусь и перекрещусь, хотя я, скорее всего, в того Бога, принятого в ваше время, не верую, но все же верую в высшую силу, которая дает возможность людям оставаться людьми. То есть совсем уж атеистом я себя не считаю, хотя в наше время большинство жителей России в Бога не верует, а исповедует какое-то обрядовое христианство, недалекое от язычества, то есть в церковь иногда ходят, свечки ставят, постятся, яйца на Пасху красят, не зная, зачем это и откуда пошло. Одновременно с этим верят астрологам, лечатся у колдунов и вместе с крестиком обвешиваются амулетами от сглаза и болезней — то цветную ленточку на запястье повяжут, то медный браслетик наденут...

— Шеф, так вы из двадцатого века? И как там у вас? Здорово, даже у Жюль Верна такого нет, чтобы два человека из разных веков так запросто могли беседовать друг с другом! Да, конечно, я тоже представляюсь, а то неудобно получается — все же вы старше, да еще офицер. Александр Степанов, 22 года, окончил юридический факультет Императорского Московского университета, помощник присяжного поверенного.

— погоди, Саша! Я даже из двадцать первого века, но давай постепенно разберемся и после обо всем поговорим. Главное, не афишировать то, что

нас пока в тебе двое (я все же надеюсь, что меня как-то вернут обратно в мое время), а то ты загремишь в психушку, — я понял, что надо объяснить термин понятными юноше словами. — Ну, то есть в лечебницу для душевнобольных с шизофренией, сиречь — раздвоением личности. Я так понимаю, что внутри мы можем беседовать друг с другом, не привлекая внимания окружающих, а вот говорить может кто-то один. Давай пока ты общайся с родными и врачом, а я послушаю так, как будто меня нет. А потом я отвечу на все твои вопросы.

— Нуте-с, молодой человек, как себя чувствуем? — раздался бодрый голос, и я открыл глаза.

У кровати сидел человек средних лет с бородкой и усами, он как раз вынимал из жилетного кармана часы, намереваясь, видимо, посчитать пульс. Ага, вот и доктор-бодрячок! О чем-то они переговариваются с Генрихом на латыни. «Контузия церебри» — то есть ушиб мозга, не слишком ли круто? Я бы поставил диагноз сотрясение, то есть «коммоцио церебри», но неизвестно, сколько я был без сознания. Ага, вот уже и «я» — начинаю отождествлять себя с реципиентом. Доктор довольно бегло осмотрел меня, рефлексy не проверял, в том числе и глазодвигательные, что я бы на его месте непременно сделал для исключения внутрочерепного кровотечения, и произнес:

— Что же, продолжайте лечение. Холод на голову — пузырь со льдом и полный покой. Успокаивающие капли «Лауданум», — слышался оптимистичный голос доктора (ну прямо весельчак доктор Ливси из мультфильма «Остров сокро-

вищ»). — Через пару дней загляну к вам, а если состояние больного ухудшится, не дай бог, — зовите.

С тем доктор откланялся.

Какой «Лауданум»?! Это же настойка опия! Дрыхнуть с нее непременно будешь, может даже и с глюками, но ведь так и привыкнуть можно! Хотя в это время капли с опиумом были даже в виде лекарства для слишком беспокойных детей, и врачи их рекомендовали. Да и в аптеках по рецепту обычного врача отпускали и кокаин, и морфий, и еще черт знает что. И наркоманов вроде не было в России так, как сейчас, когда шприцы на всех лестницах и в подворотнях валяются. Водочки народу хватало, чтобы по мозгам бить, а опиум китайцы курили, но до них отсюда далеко, и мода не прижилась. Но мой хроноабориген молодец, не испугался вселенца, как же — парень Жюль Верна читает, привык уже к чудесам на уровне подсознания.

Тут к кровати приблизилась давешняя худая некрасивая женщина и поднесла к моим губам ложечку с микстурой. Саша проглотил, потом как-то еще ответил на ее вопросы уже заплетающимся языком и заснул. Интересно, но меня опиум «не пробрал», ясность мышления осталась. Может, от того, что я не физическая, а, так сказать, духовно-нематериальная сущность, но про духовные вопросы потом, сначала разберемся с местом и временем.

Глава 1

ПОПАЛ ТАК ПОПАЛ, ИЛИ НЕМНОГО О РЕЦИПИЕНТЕ

Итак, «юноша бледный со взором горящим»... Кое-что Саша мне рассказал о своей семье, надо же хоть знать Who is who? Кстати, как я понимаю Сашин немецкий, так и он понял английскую фразу, не изучая «инглиш», то есть способность к языкам передается, и это хорошо, так мы минимум удвоили языковой багаж (по максимуму, может, и больше, если он хорошо успевал в гимназии по латыни и греческому, а также знает еще какие-то языки). О себе пока я не распространялся, больше слушал Сашу.

Хорошо, что он сейчас сладко спит под опийной настойкой, есть возможность подумать о собственной дальнейшей судьбе. На него опий действует гораздо сильнее, видимо, как на «кровного» владельца тела, я же вообще не испытываю сонливости, скорее, наоборот — хочется действия. Голова у меня уже почти не болит, все же молодое и, хочется думать, здоровое тело восстанавливается гораздо быстрее, чем если бы меня, сердешного, приложило головой в прошлом моем обличье. Назад мне, скорее всего, пути нет, умер я там, солнечным июньским утром 2020 года. Здесь же мне досталось молодое, хотя и нетренирован-

ное тело юноши с комплексами и плохим зрением, не слишком обремененное знаниями, все же мой реципиент закончил университет по второму разряду и был вынужден быть на побегушках у присяжного поверенного, по-нашему адвоката. До самостоятельной практики ему как пешком до Китая и, как он признался, первое впечатление от реальной юриспруденции оказалось негативным: все дела, на которые он собирал для мэтра данные и готовил бумаги, касались жуликов из купеческого сословия, которые реально были виновны, но надеялись избежать тюрьмы и каторги, заплатив адвокату, специализирующемуся на подобных процессах. Присяжный поверенный и взял то Сашу в помощники из-за того, что помощник происходил из именитой купеческой семьи и мог бы поставлять ему клиентов. Защитой неимущих из податных сословий этот поверенный не заморачивался, так как даже по казенной разрядке за защиту крестьян и мещан платили сущие гроши, а вот купцы и фабриканты несли поверенному солидные гонорары, лишь бы не попасть на каторгу за воровство на государственных подрядах. Видя, что мэтр успешно защищает отъявленных жуликов, Саша разочаровался в юриспруденции, свою же практику он не мог получить, не отработав минимум пять лет помощником поверенного, так что свое вынужденное безделье он встретил даже с некоторым облегчением, как подарок судьбы.

Вообще-то поверенный несколько заблуждался в способности Саши поставлять ему богатых клиентов. Сашин дед, действительно, был москов-

ским купцом первой гильдии, владельцем, как бы сейчас сказали, холдинга, состоящего из сукновальной и ситценабивной фабрик, представительств и складов в пяти основных городах Империи и трех десятков лавок. В Москве и Петербурге у Ивана Петровича, а так звали деда, были большие магазины, торговавшие первоклассным товаром, кроме своего, еще и привозной иностранной мануфактурой. В регионы шли ткани попроще, в основном ситец для небогатых крестьян и мещан. Поскольку Иван Петрович уже более двадцати лет состоял купцом первой гильдии и был награжден большой золотой шейной медалью на анненской ленте «За полезное» по причине трудов праведных на поприще благотворительности и попечения немущих, то ему и его детям Александром II было пожаловано почетное потомственное гражданство.

У деда была дочь Елизавета, та, что замужем за Генрихом, затем родились сыновья — Павел (отец Александра и Ивана) и Николай. С женитьбой детей получилась неувязка — старшие пошли против воли отца. Это случилось уже после смерти жены (бабушки Саши), которая умела успокаивать крутой нрав купца-первогильдейца. После смерти жены характер Ивана Петровича стал еще более несносным, судя по описанию Саши, он походил на купца Дикого из драмы Островского «Гроза». Кроме того, Иван Петрович происходил из старинного купеческого старообрядческого рода, с незапамятных пор жившего среди подобных купцов-старообрядцев на Рогожской заставе в своей слободе со своей церковью и кладбищем. У старо-